

Когда-то, еще до падения царства Аньян, город Линчжоу служил ключевым узлом, связывавшим его земли с Царством Южного Предложения. Дороги сходились сюда со всех четырех сторон света, превращая город в средоточие жизни и торговли. После того как Царство Восточной Горы поглотило Аньян, значение Линчжоу лишь возросло: он превратился в главные ворота между новыми владениями и Царством Южного Предложения. К тому же близость к Восточному морю влекла сюда многочисленные островные секты, чьи адепты держали путь в глубь континента именно через этот узел. Город рос, богател, и в своем великолепии ныне едва ли уступал столице Царства Южного Предложения.

Постоялый двор, крупнейший в Линчжоу, славился невиданной роскошью, а его лучшие покои класса «Небесный» и вовсе не имели себе равных.

В комнате курились благовония высшего сорта — изысканный сандал умиротворял разум. Тяжелый, сладковатый аромат заполнил все пространство, пропитав даже шелковые покрывала. На постели, беспечно раскинувшись поверх одеяла, покоилась женская рука. Кожа ее, нежная и гладкая, мягко сияла при слабом свете. Узорчатый шелк едва прикрывал изгиб округлой груди, но тонкие пальцы целомудренно и в то же время дразняще лежали поверх, оставляя простор для воображения. Черные как смоль волосы волнами рассыпались по подушкам, то скрывая, то приоткрывая изящные плечи. Стройные ноги были слегка подогнуты, а аккуратные пальчики манили белизной. Казалось, под этим одеялом затаился сам весенний ветер, способный пробудить самые глубокие желания в душе любого мужчины.

Распахнув дверь, У Фэн замер на пороге, завороченный этой картиной. Цинь подняла взгляд. На ее щеках проступил густой румянец, но, переборов смущение, она робко приподнялась и опустилась на колени прямо на шелковых простынях.

— Смирная раба желает лишь одного — порхать бабочкой у ног господина, — прошептала она едва слышно, склоняя голову. — Молю, выкажите мне вашу милость.

Вид этой хрупкой, покорной красоты лишил бы рассудка любого мужчину. Даже искушенный У Фэн, повидавший на своем веку немало красавиц, почувствовал, как сладко защемило в груди. Сделав шаг вперед, он уловил тонкий девичий аромат, который не способна была заглушить даже тяжелая сандаловая дымка.

Он коснулся пальцами ее подбородка и мягко приподнял ее лицо. Темный шелк волос скользнул по плечам, обнажая изящный изгиб спины.

— Не пожалеешь?

Цинь прикусила нижнюю губу так, что на ней проступила яркая алая полоса.

— Не пожалею.

У Фэн довольно рассмеялся.

— Чудно. Тогда сегодня я сделаю тебя женщиной и покажу, что такое истинное земное блаженство.

Комнату У Фэна и покои Чжоу Иня разделяла лишь тонкая стена. Какими бы плотными ни были перегородки, когда за стеной раздался первый тихий вскрик боли и тихие стоны, скрыть происходящее было невозможно.

Чэнь Юаньчжи мгновенно вспыхнула до кончиков ушей.

Чжоу Инь же остался совершенно невозмутим, словно не слышал ровным счетом ничего.

Маотуань, расслышав странные звуки из своего кольца, из любопытства попытался высунуть мордочку наружу. Однако стоило его крошечной голове показаться на свет, как Чжоу Инь тут же бесцеремонно запихнул его обратно. Обиженному зверьку ничего не оставалось, кроме как свернуться в клубок и улечься спать дальше.

— Ты... не хочешь чего-нибудь поесть? Я позову слугу!

Пытаясь избавиться от неловкости, Чэнь Юаньчжи заметалась по комнате и поспешила к выходу.

— погоди, — остановил ее Чжоу Инь.

Чэнь Юаньчжи замерла в замешательстве.

— Что-то не так.

Девушка растерянно захлопала глазами, но Чжоу Инь приложил палец к губам, призывая ее к молчанию.

За стеной все внезапно стихло. Стоны и прерывистое дыхание оборвались в один миг, уступив место мертвой тишине.

В ту же секунду Верёвка, Сковывающая Душу, стягивавшая запястья Чжоу Иня, с сухим треском лопнула и безжизненно упала на пол.

Сбросив с себя мертвое тело У Фэна, обнаженная Цинь поднялась с постели. От прежней

робкой покорности на ее лице не осталось и следа — теперь оно дышало холодной сосредоточенностью. Совершенно не заботясь о наготe, она принялась тщательно обыскивать труп, но спустя несколько мгновений разочарованно нахмурилась.

У окна раздался тихий, залиvistый смех. В комнату бесшумно скользнула женщина в алых одеждах. На ее плече восседал крошечный зверек — кошка размером куда меньше обычного котенка. Шерсть ее отливала антрацитовым блеском, а глубокие сапфировые глаза светились разумным блеском.

— Твое Искусство Нефритовой Цикады становится все изощреннее, сестрица, — певуче произнесла гостя. — Справиться в два счета с этим старым хрычом на поздней стадии Формирования Ядра... Не зря глава секты так высоко тебя ценит и прочит в преемницы.

Циньи равнодушно подобрала разбросанные по полу одежды и принялась неспешно одеваться.

— Если бы не наша драконья амбра, мне ни за что не удалось бы усыпить бдительность этого старого лиса. Когда я играла на цитре на втором этаже, у меня сердце в пятки уходило. Двое сильных практиков на исходе Формирования Ядра! Не притворись я беззащитной дурочкой, нас бы сразу раскусили. Вот только обидно — у этого скряги при себе не оказалось ничего ценного.

Меч Жёлтого Двора, который сам по себе считался редчайшим сокровищем, валялся на полу, но ни одна из них даже не взглянула на него.

Фаньлу недовольно нахмурилась:

— Не может быть. Моя Кошка Исполнения Желаний никогда не ошибается. Она чувствует ценность за версту и подает голос только на самые редкие артефакты. Неужели сокровище у второго старика?

Циньи усмехнулась:

— С тем стариком разберется сама глава. Уж она-то не упустит добычу.

Когда за стеной развернулась эта безмолвная драма, а сковывающие путы спали, Чжоу Инь и Чэнь Юаньчжи мгновенно все поняли.

Девушка в панике схватила юношу за рукав, умоляя бежать, но Чжоу Инь лишь покачал головой.

— Вокруг здания развернуты заградительные массивы. Окна, крыша — везде ловушки.

Впрочем, нападавшие явно охотились не на них, а на У Фэна.

— А юноша не только хорош собой, но и умом не обделен!

Раздались неспешные рукоплескания, и в комнату, лучезарно улыбаясь, вошла девица в лазурном платье.

— Кто ты такая? — настороженно спросила Чэнь Юаньчжи.

— Зови меня Ланьтай. Поскольку скоро мы станем одной семьей, можешь звать меня просто старшей сестрицей Лань, — незнакомка бесстыдно смерила взглядом сначала Чэнь Юаньчжи, а затем Чжоу Иня, восхищенно прищелкнув языком. — Какая нежная кожа, прямо кровь с молоком! А уж этот юноша... Давненько я не видела столь ладного мужчины. Спорим, в постели ему нет равных?

Чэнь Юаньчжи от возмущения вспыхнула до корней волос:

— Бесстыдница! Откуда только взялась такая грязь?

Цинь и Фаньлу, закончив с обыском в соседней комнате, как раз вошли следом. Услышав гневную отповедь, они лишь весело рассмеялись.

— Какая неблагодарность! Если бы не мы, вы так и сидели бы здесь под замком. Вместо спасибо сыплете оскорблениями. Платить злом за добро — как некрасиво!

— Вы из Секты Радостного Единения? — бесстрастно спросил Чжоу Инь.

Ланьтай кокетливо вскинула брови и легко подтвердила:

— Именно так.

Лицо Чэнь Юаньчжи мгновенно побледнело.

В отличие от большинства орденов на континенте, в Секте Радостного Единения правили женщины. Если мужчины-демоны обычно использовали рабынь в качестве безвольных сосудов для поглощения иньской энергии, то здесь все обстояло иначе. Местные ученицы странствовали по миру и практиковали Искусство Нефритовой Цикады. Соблазняя мужчин-практиков и деля с ними ложе, они безжалостно забирали их изначальный ян для укрепления собственного совершенствования. Понятно, что слава у секты была дурной. Мужчины

бледнели при одном упоминании этого ордена, и какими бы обольстительными и прекрасными ни были эти девы, благоразумные заклинатели старались держаться от них как можно дальше.

Жуимяо, восседавшая на плече Фаньлу, хоть и принадлежала к низшему рангу духовных зверей, обладала бесценным даром: она с невероятной точностью чуяла сокровища. Обычно молчаливая, кошка начинала громко мяукать, стоило ей оказаться рядом с редким артефактом. Подобное существо невозможно было купить ни за какие богатства мира, и для секты она оставалась величайшей гордостью.

У Фэн и Чэнь Чжун полагали, что их побег спланирован безупречно, однако они совершили роковую ошибку. Окрестности Линчжоу давно находились под негласным контролем Секты Радостного Единения. Стоило беглецам пересечь границу Царства Южного Предложения, как за ними тут же установили слежку.

При всей силе Искусства Нефритовой Цикады, оно требовало, чтобы жертва полностью потеряла бдительность во время любовных утех. У Фэн и Чэнь Чжун, будучи сильными практиками на поздней стадии Формирования Ядра, представляли серьезную угрозу, и секта не решилась бы напасть на них без веской причины. Однако вскоре выяснилось, что старейшины рассорились со своей родной Школой Меча Зеркального Моря и бежали, надеясь приклонить колени перед Обителью Древней Зелени. После того как их бывший орден присягнул на верность Секте Высшего Сокровенного, беглецов объявили предателями и изгнали с позором.

Поняв, что за спиной беглецов больше нет мощной силы, глава Секты Радостного Единения Чжао Инчи приняла решение. Охотницы вели добычу до самого Линчжоу, выжидая удобный момент. Главной их целью было священное сокровище Школы Зеркального Моря — Нефритовый Носорог.

— Такая прелестница, — ласково пропела Ланьтай, обращаясь к Чэнь Юаньчжи. — Настоящий нераспустившийся цветок. Глупо губить молодость на обычное замужество. Вступай в нашу секту — познаешь истинное наслаждение в объятиях красивейших мужчин! Ну а ты, юноша? Неужели наши лица не милы твоему сердцу? Неужели тебе никогда не хотелось разделить ложе сразу с несколькими красавицами и вкусить все радости жизни?

Чэнь Юаньчжи едва не задохнулась от гнева, собираясь высказать девице все, что о ней думает, но Чжоу Инь опередил ее.

— Вы слишком уродливы, — спокойно обронил он.

В его голосе не было ни капли издевки или злости. Он произнес это так же обыденно, как если бы заметил, что погода сегодня хорошая.

Ланьтай опешила. Мгновение спустя лицо ее исказилось от ярости. Она гордилась своей красотой и привыкла к восхищению — ни один мужчина еще не смел игнорировать ее чары, а уж тем более столь нагло оскорблять.

Фаньлу лишь ядовито хмыкнула:

— Глядите, какой гордец! Посмотрим, как ты запоешь, когда наша сестрица Циньи скинет перед тобой одежды. Небось сразу забудешь, как тебя зовут...

Договорить она не успела. За окном промелькнула ослепительная вспышка, а вслед за ней раздался истошный женский крик и резкий окрик:

— Чэнь Чжун! У Фэн уже мертв, а ты — загнанная собака! Отдай Нефритового Носорога, и мы сохраним тебе жизнь!

Чэнь Юаньчжи побелела. Не теряя ни секунды, она призвала летающий артефакт и выпрыгнула в разбитое окно.

На улице было пусто. Из-за разгоревшейся схватки заклинателей обычные горожане в панике разбежались, оставив просторную площадь совершенно безлюдной. На ней стояли лишь трое: старейшина Чэнь Чжун и две женщины.

Одна из них уже лежала на земле в луже крови — именно ее крик прервал их разговор в комнате. Вторая, в ярко-желтом платье, застыла напротив Чэнь Чжуна. Обликом она была прекрасна и величава, точно распутившийся лотос.

— Глава! — Ланьтай и остальные ученицы приземлились позади нее, поспешив на помощь раненой сестре.

Чэнь Чжун сжимал в руке Колесо Небесной Многоножки. Его лицо осунулось и побледнело — было очевидно, что битва дается ему нелегко.

— Отец! — Чэнь Юаньчжи подхватила его под руку.

— Грязные твари из Секты Радостного Единения! — старейшина злобно сплюнул под ноги кровь, не сводя яростного взгляда с противниц.

Ученицы нахмурились, но глава Чжао Инчи лишь пренебрежительно рассмеялась:

— Смертник имеет право почесать язык напоследок. Нам все равно — стоит тебе испустить дух, и Нефритовый Носорог все равно достанется нам.

Чэнь Чжун оскалился:

— Это сокровище предназначалось в дар Предку Весёлых Бессмертных из Обители Древней Зелени! Хватит ли у вас духу перейти ему дорогу?

Взгляд Чжао Инчи остался холодным и расчетливым:

— Даже если так, что с того? Мертвому праху не под силу жаловаться.

Смысл ее слов был предельно прост: сегодня из этого переулочка никто не уйдет живым.

Помимо самой Чжао Инчи, достигшей поздней стадии Формирования Ядра, ее ученицы находились на начальной и средней ступенях того же ранга. С такими силами расправиться с раненым Чэнь Чжуном и его спутниками не составляло труда.

Поняв это, Чэнь Чжун решился на отчаянный шаг. Улучив миг, он резко метнул вперед Колесо Небесной Многоножки.

Маленький, размером с ладонь артефакт в полете стремительно разросся, став размером с несколько раскрытых зонтов. С яростным свистом он устремился к ведьмам из Секты Радостного Единения.

Ланьтай и Фаньлу отреагировали мгновенно. Из их рукавов взметнулись длинные шелковые ленты, которые плотным коконом опутали летящее оружие.

Окутанное шелком Колесо Небесной Многоножки внезапно взорвалось, разлетевшись на сотни острых осколков и высвободив тучу ядовитых брызг. Смертоносный дождь хлынул на нападавших.

Цинь, державшая на руках раненую сестру, не успела отпрянуть. Яд хлынул ей прямо на голову. Не успела она даже вскрикнуть, как ее плоть начала плавиться, и в считанные мгновения несчастная превратилась в бесформенное кровавое месиво.

Ланьтай и Фаньлу среагировали быстрее, но брызги все же задели их. Одежда в местах попадания мгновенно обратилась в пепел. Фаньлу истошно закричала: едкая жижа разъела ее запястье, обнажая белеющие кости сквозь обуглившуюся, сползающую лоскутами плоть.

— Ах ты старый ублюдок! — взревела Чжао Инчи.

Глава секты легко уклонилась от ядовитых капель и нанесла ответный удар еще в тот миг, когда оружие противника только взмыло в воздух. Из ее широких рукавов вырвались алые ленты, которые прямо в полете обратились в четырех яростных огненных драконов. Оставляя за собой шлейф душливого жара, они устремились к Чэнь Чжуну.

Объятый ужасом Чэнь Чжун не нашел ничего лучше, как схватить собственную дочь за плечо и швырнуть ее вперед, закрываясь ею как живым щитом.

В самый последний миг, когда гибель казалась неизбежной, перед девушкой из ниоткуда выросла сплошная стена воды.

Это Чжоу Инь успел применить защитный талисман. Сжимая в одной руке Меч Духовного Сокрытия, другой он поспешно сплетал магические знаки. Огромная разница в уровнях культивации не позволяла ему сделать большего — этой защиты едва хватало, чтобы сдержать натиск.

Но пламя Чжао Инчи подчинялось иным законам. Столкнувшись с водой, четыре огненных зверя с шипением разделились, превратившись в восемь ревущих вихрей, чья ярость лишь возросла.

С грохотом они сокрушили водяную преграду. Бушующее пламя насквозь прошило оцепеневшую Чэнь Юаньчжи, испепелило прятавшегося за ее спиной Чэнь Чжуна и устремилось прямо к Чжоу Иню.

<http://bllate.org/book/18242/1748960>